

ДВЕ РЕЛИКТОВЫЕ СЛАВЯНО-ИРАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ИЗ ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ

Псл. **торьсь* (**terzъ?*) ~ иран. **mṛzu-*

Рус. диал. яросл. *морѣц* ‘спинной хребет’ [4, с.113] еще не объяснялось с позиций этимологии. Поиски соответствий в славянском словаре не приводят к сколько-нибудь убедительным результатам: прозрачность словообразовательной структуры, а именно – возможность вычленения здесь суффа. *-ьс-*, в действительности только усложняет реконструкцию первоначальной формы, т.к. остающаяся при отделении суффа. форманта корневая основа *мор-* в славянских названиях частей тела не фиксируется. Поэтому следующим шагом в толковании рус. *морѣц* будет обращение к данным неславянских языков.

Обращает на себя внимание иранский лексический материал, демонстрирующий (этимологически) некоторую близость формы и семантики, в частности, отметим авест. *mərəzav-* название части тела, которое Хр. Бартоломе переводит как ‘позвонки шеи и спины’ [14, с.1173–1174], *mərəzu-* ‘позвоночник’, др.-перс. **mrdu-* ‘позвонок’, ср.-перс. *mrd* (**mrda*) ‘шея’, перс. *māza*, *māzū*, *māzūn* ‘спинной хребет’, ‘позвоночник’, шам. *marze-ya pošt* ‘позвоночный столб’, курд. *mil* ‘плечо’, ‘шея’, ‘рука’ и, возможно, курд. *maz-maz-k* ‘спинной хребет’, ‘позвоночник’ (< др.-иран. **mṛz-?* [8, с. 656–657: статья *mil*]). Эти и некоторые другие формы с несколько отличным значением в иранистике возводятся к архетипу **mṛzu-*, дальнейшие индоевропейские связи которого не устанавливаются¹, отчасти, вероятно, из-за этимологической неоднозначности плавного (из и.-е. **r* или **l?*).

Оставляя в стороне опыт сравнения авест. *mərəzu-* и пехл. *mrd* с осет. *murzæg* ‘часть туши’ (плечо и ребра? грудинка?), которое в итоге возводится к явно омонимичному иран. **mṛzu-*, **marzu-* ‘короткий’ (~ д.-в.-н. *murg*, лат. *brevis* ‘короткий’) [1, с.131, 133], рискнем предположить, что в иранских лексемах отражен и.-е. диал. соматический термин **mṛġ(h)u-*. Он представляет собой расши-

¹ См. соответствующие дефиниции в этимологических словарях, а также: [9, с. 92; 2, с. 58–59].

рение на $-\hat{g}(h)$ - (+ показатель *и*-основы) корневого этимона $*m\check{r}$ -, соотносительного с $*mer$ - ‘плести’, ‘вязать’ [17, с.733: $*mer$ - I], семантика которого – это фактически специализация более примитивного ‘гнуть’ (к развитию ‘гнуть’ → ‘сочленение’ в иран. рефлексах этой основы ср. еще вахан. *mār* ‘сустав’, ‘фаланга (пальца)’ [6, с.238]). Если принять генетическое тождество иран. и слав. форм, то в рус. *морéц* логично видеть псл. $*mor$ -ьсь – производное от вариантной основы $*mor$ - (часть ряда $*mer$ -/ $*mor$ -/ $*m\check{r}$ -), хотя не стоит категорически исключать возможность толкования его как деэтимологизированного $*морез < *мерез < *merz$ - (< $*mer\hat{g}(h)$ -) – реликтовой лексемы, отличной от иран. $*m\check{r}zu$ - (< $*m\check{r}\hat{g}(h)u$ -) только вокализмом. Если так, то переосмысление структурно неясного $*морез$ как *морéц* произошло под влиянием других соматических терминов на *-ец* для обозначения гибких частей тела, ср., напр., рус. *палец*, укр. диал. *хребéць* ‘хребет, спина’ [12, с. 208] (в последнем исход *-ець* также, видимо, вторичен к *-em* в архаичном слав. названии позвоночника $*xrbьbьть$). Оба этимона были задействованы для образования соматических терминов, обозначавших, насколько можно судить по семантике рефлексов родственных форм, сустав, его часть, подвижное сочленение костей. Т.е. позвоночник, хребет (позднее – шея) мог восприниматься как гибкая, подвижная спинная «цепочка» таких соединенных (фигурально – сплетенных, связанных) костей-фаланг. В этом смысле номинация $*morьсь$ отчасти близка к номинации рус. *позвоно́чник*, *позвоно́к*, связанных со *звенó* с чередованием *e : o* ([7, с.303], т.е. как цепь «костяных звеньев»?)¹. К соотношению структуры и.-е. $*mor$ - : $*m\check{r}\hat{g}(h)u$ - ср. близкое $*mer$ - : $*mraku$ - ‘болото’ [17, с.739: статья $*merk$ - ‘гнуть’, ‘размачивать’].

Таким образом, рус. *морéц* входит в древнее, ограниченное иранским и (частично) славянским ареалами, семейство слов с основами $*mor$ - и $*m\check{r}\hat{g}(h)u$ - (ср. еще йезди *mol*, св. *tul*, *mol* ‘шея’, курм. *mil* ‘плечо, лопатка, шея’, мук. *myl* ‘рука, плечо’, талаш. *mel* ‘шея’ < $*m\check{r}zu$ - [5, с. 263]), обозначавшими позвоночник и его части (сочленения костей). Степень материальной близости, а также возраст структуры иранской и славянской лексем сегодня объективно не определяются, т.к. все зависит от того, какой из предложенных славянских архетипов считать этимологически более «перспективным». Выбирая в качестве такового $*morьсь$, мы признаем за ним **праславянскую диал. словообразовательную инновацию** – суфф. расширение и.-е. корневой основы, употребительной в сфере древней анатомической номенклатуры части праславянских и праиранских диалектов. Признавая же исконным $*merzь$, мы получаем в распоряжение **узкую реликтовую изоглоссу** псл. $*merzь$: праиран. $*m\check{r}zu$ -, возраст которой соотносим с **праиндоевропейской эпохой** ($*mer\hat{g}(h)$ - : $*m\check{r}\hat{g}(h)u$ -).

¹ Ср. иные принципы номинации названий спины, хребта, отраженные, напр., в гр. *ραχοκκαλά* ‘позвоночник’, ‘хребет’ = *ράχη* ‘спина’ & *κόκκαλο[v]* ‘кость’; слав. $*xrbьbьть \sim *xrebtі, *skrebtі$, где знач. ‘спинной хребет’ родственно ‘острие’, ‘скрести’, как в лат. *spīna* ‘колючка’ и ‘спинной хребет’ [11: вып. 8, с. 96, 108].

Псл. **morgъ* ~ иран. **margā*-

Для таких восточнославянских лексем, как, напр., рус. диал. урал. *морѡг*, *мурѡг* ‘трава, дерн’, арх. *морѡк* ‘молодая трава’, укр. *моріг*, род. п. *морогу* ‘мурава, трава’, *моріг* ‘низменное, укрытое дерном место; низменный луг’, диал. *моріх*, *муріг* ‘целина; поле, которое несколько лет не распахивалось’, *моріг* ‘низина вообще’ и др., ранее была предложена слав. этимология, согласно которой все они восходят к псл. **mor-ogъ*, т. е. суфф. производному от корня **mor-* ‘темный’, представленного также в **mor-ogъ*: рус. диал. *моругий* ‘грязно-пепельный’, укр. диал. *моругий* ‘рыжий или темно-серый с темными полосами’ [11: вып. 19, с.237–238, 239]. Нам кажется, что при анализе этих слов использованы еще не все возможности, кроющиеся в их структуре, о чем говорят результаты внешнего сравнения.

Прежде всего, при отсутствии зап. и/или юж.-слав. форм аналогичного вида, способных подтвердить архетип **morogъ*, звуковая последовательность -*opo-* (вторично: -*opi-*, -*opi-*, -*upi-*, -*upo-*) в рус. и укр. примерах равным образом может предполагать исходное **morgъ*. Правомерность именно такой реконструкции обосновывается сравнением с приводимой ниже иранской лексикой, которую с большой долей уверенности можно возводить к **margā*-, т. е. ближайшему соответствию псл. **morgъ*.

Далее: иранский прототип, делающий весьма вероятными восстановление псл. **morgъ* и альтернативную этимологию слав. слов, опирается на: авест. *marəyā*- ‘луг’ [14, с.1147: сопоставлено с перс. *marū* ‘луг’], перс. *merū* ‘трава, служащая кормом для животных’ [15, с.219: сопоставлено с авест. *marəyā*-], перс. *marū* ‘луг’, ‘пырей’, заза *marga* ‘луг’, лур. *marū* ‘никогда не паханная земля, покрытая дерном’, сангл. *mēry* ‘луг’, согд.-будд. *mryh*, ман. *mry* ‘луг’, ягноб. *marū* ‘трава, которая считается лучшим кормом для скота’ [8, с.649], ‘сено из травы *marū*’, йидга *mīryo* ‘луг’, афг. *marūa* ‘кормовая трава’, ‘дерн’ [13, с.284]. Обычно эти формы сравниваются между собой без определения их доиранской истории, круг их потенциальных соответствий за пределами иранского не установлен. Единственное важное замечание об их отношении к фонетически близкой арийской лексике высказал М. Майрхофер, который, упоминая авест. *marəyā*- ‘луг’ в статье, посвященной разбору санскр. *mṛgáḥ* ‘дичь; лесное животное; олень’ (~ авест. *marəyā*-, согд. *mry* и др. со знач. ‘птица’), отметил, что это слово является отдельной проблемой [16, с.669–670]¹. Наверное, эта проблема решается,

¹ Развитие идеи родства иран. **margā*- как ‘скопление птиц/диких животных’ = ‘лес’ и **mṛga*- ‘птица’ предложено в этимологии П.Б. Лурье, который видит в них отношения производного (первое) и производящего (второе) слов с возведением корня производного в среднюю степень во избежание омонимии с **mṛgā*- ‘самка птицы или дикого животного’ [3, с. 140]. Думается, однако, что приводимые им согдийские формы со значением ‘лес, роща’ не имеют решающего значения для реконструкции древней семантики ‘лес’ и установления через нее словообразовательной зависимости (а значит – и генетического тождества) **margā*- от **mṛga*-. Семантический спектр рефлексов **margā*- гораздо шире, и семема ‘лес’, по-видимому, явилась лишь периферийной инновацией в результате перенесения слова на другие объекты окружающего мира (‘луг’ → ‘лес’) в новых (сравнительно с территорией иранской прародины) природно-географических условиях. Ср. такую же разнообразную по широте семантического

если не замыкать круг поисков сугубо на иранском словаре и если все-таки не отмахиваться от возможности генетического отождествления указанных иран. и слав. лексем, посчитав их формальное и семантическое подобие случайным совпадением.

Этимологическое родство и предполагаемая морфологическая близость объясняются параллельным развитием иран. **margā-* и псл. **morgъ* из и.-е. этимона **merg-/morg-*, очевидно, отличного по расширению (-g- : -k-) от восстановленного в словаре Ю. Покорного **merk-* ‘гнить’, ‘размачивать’, первоначально = **mer-*, **mraku-* ‘болото’ [17, с. 739]. Указывая это этимологическое гнездо в качестве источника наших слов, мы исходим из известных примеров деривации названий лугов, низин от слов со значением ‘влага’, ‘сырость’, ‘сырое место’, ‘болото’ и считаем семантику ‘трава’ вторичной относительно ‘луг’, ‘низина’, т. е. изначально ‘сырое/влажное место’ → ‘(заливной) луг’, ‘влажная низина/оболонь (земля, непригодная для вспахивания)’ → ‘луговая трава и сено из неё’ → ‘всякая трава (дерн, мурава, пырей)’.

С учетом исключительно восточнославянской географии рефлексов псл. **morgъ* возникновение изоглоссы **morgъ ~ *margā-* может совпадать по времени с периодом культурных контактов предков восточных славян с иранскими племенами в середине I тысячелетия до н. э. Правда, смущает, что выработанный в эту эпоху лексический пласт охватывает преимущественно понятия религиозно-нравственной сферы, а не хозяйственной.

Предложенная альтернативная этимология не отрицает полностью версию о собственно слав. характере производности рус. и укр. слов. Она лишь обращает внимание на неоднозначность их структуры, на возможность совпадения в них, с одной стороны, продолжений **morgъ*, а с другой – рефлексов семантически близкого ему **mrogъ*, которые к тому же не всегда можно отличить от проявлений **tur-ogъ*, ср. рус. диал. *мурог* ‘мурава, луг, пожня; дерн, сухолужное сено’ и др. [11: вып. 20, с. 194].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев, В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том II. L–R. – М. ; Л. : Наука, 1973. – 448 с.
2. *Дыбо, А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). – М. : Языки русской культуры, 1996. – 389 с.
3. *Лурье, П.Б.* Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии : Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 305 с.
4. *Мельниченко, Г.Г.* Краткий Ярославский областной словарь. – Ярославль : Ярославский гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского, 1961. – 224 с.
5. *Молчанова, Е.К.* Йезди (зороастрийский дари) // Основы иранского языкознания : среднеиранские и новоиранские языки. – М. : Вост. литература, 2008. – С. 235–343.

диапазона эволюцию праиран. названия водной массы **zrajah-* по разным ареалам в зависимости от местных природных условий в: [10, с. 31–32].

6. *Стеблин-Каменский, И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. – 480 с.
7. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза–Сят) / [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубочева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.
8. *Цаболов, Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Том I. А–М. – М. : Вост. литература, 2001. – 687 с.
9. *Эдельман, Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков : Фонология. – М. : Наука, 1986. – 232 с.
10. *Эдельман, Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков : Лексика. – М. : Вост. литература, 2009. – 280 с.
11. Этимологический словарь славянских языков : Праслав. лекс. фонд / [под ред. О. Н. Трубочева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2014. – Вып. 1–39.
12. Етимологічний словник української мови : в 7 т. Т. 6 / [за ред. О. С. Мельничука]. – К. : Наук. думка, 2012. – 568 с.
13. Ягнобско-русский словарь / [сост. М. С. Андреев, В. А. Лившиц, А. К. Писарчик] // *Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 216–391.
14. *Bartholomae, Chr.* Altiranisches Wörterbuch. – Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 S.
15. *Horn, P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. – Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1893. – 386 S.
16. *Mayrhofer, M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. – Heidelberg, 1963. – Bd II. – 699 S.
17. *Pokorny, J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Bern ; München : Francke Verlag, 1959. – Bd I. – 1183 S.